

Блин и секрет разбитых стекол

Автор:

Евгений Некрасов

Блин и секрет разбитых стекол

Евгений Львович Некрасов

Суперсыщик по прозвищу Блин #1Черный котенок (Эксмо)

Серия «Чёрный котёнок» – это лучшие детективы, написанные отечественными авторами для детей. В каждой книге вас ждёт увлекательная детективная история с неожиданной развязкой. Не сразу Дмитрий Блинков по школьному прозвищу Блин стал лучшим сыщиком. Тогда ещё он учился в восьмом классе и был обычным подростком, но очень сообразительным: сын контрразведчика и ботаника – опасная смесь. Узнав, что в оранжерее, где работает его отец, перебили все стёкла, он не остался в стороне. Ну не мог Блин допустить, чтобы растения, возможно, единственные в своем роде, были цинично уничтожены! Теперь он выведет преступников на чистую воду.

Евгений Некрасов

Блин и секрет разбитых стекол

© Е. Некрасов, 2018

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Лучший сыщик из всех восьмиклассников

Первая история, которой Саша знакомится с капитаном и получает задание

Маленьких обижают все. Враги и друзья, взрослые и дети, умные и глупые, дылды и люди среднего роста. Маленькие тоже обижают маленьких, но только если сами захотят. А остальные обижают походя, даже не поняв, что обидели, и это самое обидное.

Вот сидишь ты в полицейском коридоре, ждёшь полковника. Туфельки на тебе австрийские «Полицей спешале»: верх лодочкой, хоть на бал, подошва кроссовочная, хоть по мокрым крышам бегай. Юбка строгой длины на два пальца ниже колена и с заливчатским разрезом на два пальца ниже попы. Парадная рубашка накрахмалена до хруста, галстучек шёлковый. Вместо надоевшего в колледже берета – пилотка на два размера меньше. Форменная куртка ушита в обlipочку, на рукаве две курсантские «галки»... Песня, кто понимает!

В руках у тебя «Дневник прохождения профессиональной практики курсанта Петрачок Александры», а на душе чёрная тоска. Первая запись в дневнике – недельной давности. Два дня ты практиковалась в патрульно-постовой службе и запросила перевода. Вторая запись появилась полчаса назад: «Отчислена из архива за профессиональную непригодность».

В архив ссылают самых бестолковых курсантов. А куда девать тех, кого турнули из архива, не знает даже сам полковник. Не было ещё такого случая. И всё идёт к тому, что курсант Петрачок навеки впишет себя в историю родного колледжа как единственная идиотка, схватившая двойку за практику.

Глупая фамилия Петрачок, да? При росте метр пятьдесят это уже и не фамилия, а прозвище «Пятачок» в первые пять минут знакомства с кем угодно.

Рядом с тобой штатская дылда, тоже полковника ждёт. Потерпевшая, скорее всего. Свидетелям-то незачем ходить к начальству, а «терпилы» ходят жаловаться: почему не нашли мою машину или собаку? Да потому, что машину разобрали на запчасти ещё в день угона, а собаку давно продали на «Птичке».

Но если так ответить, она ведь пойдёт к генералу и наделает неприятностей хорошим сыщикам, которые ищут и находят, если возможно. Так что придётся полковнику работать с населением, то есть врать, что возьмёт дело под личный контроль, бросит на розыски оперативный резерв и всё такое. Дипломатия, однако.

Дылда уже давно поглядывает на тебя. Парень бы не заметил, для них «поглядывать» значит уставиться, как баран на новые ворота. А у женщин развито боковое зрение. Они не поворачивая головы срисуют друг друга от заколки в волосах до кончиков туфель. А если посмотрят прямо, это приглашение к разговору... Может, поговорить с ней? Милая, хорошая дылдошка, забудь про свою собакомашину, иди домой! А то после твоих жалоб полковник будет на взводе и точно влепит мне двойку. А так вернётся с обеда сытый и размякший, глянет на куртку в облипочку, на юбочку с разрезом и доверит курсанту Петрачок хотя бы точить карандаши в приёмной.

Саша взглянула прямо. И дылда сразу её обидела самым обидным образом, то есть не заметив:

- Девочка, мне интересно, а ты настоящий полицейский?

- Игрушечный! - вспыхнула Саша. - У меня под мышкой батарейки, показать?

Дылда порозовела. Значит, небезнадёжна: поняла.

- Извини. Просто я не видела таких молодых полицейских.

Заставить собеседника извиняться - уже половина успеха!

- Так я пока что курсант, - смягчилась Саша. - Когда окончу колледж, мне стукнет почти восемнадцать, смогу принять присягу. А ты?

- Студентка журфака. Иконникова Алёна, - представилась дылда.

Везёт же людям! И фамилия солидная, и рост... А она сутулится, не понимает своего счастья... Саша назвала ей только имя, чтобы не соваться с Петрачком-Пятачком, и деловито спросила:

– У тебя что, угон, кража, ограбление?

– У меня практика в газете. Пишу очерк: будни райотдела полиции.

– Ругательный? – насторожилась Саша.

– Правдивый. Но в положительном свете, а то читателям надоела чернуха.

Опа! Двойка за практику со свистом улетела в космические дали. Ведь журналист вроде любимой девушки: перед ним каждому охота выглядеть получше. Теперь полковник будет напропалую хвалить свой райотдел и заодно погладит по головке курсанта Петрачок. Потому что у образцовых полицейских должна быть образцовая практикантка.

Полковник начал гладить Сашу по головке, как только увидел её с Алёной:

– Уже подружились? Отлично! Вот, Алёнушка, наш молодой кадр, подрастающая смена. Может, напишете о курсанте Петрачок? Отличница, спортсменка...

Про комсомолку не добавил. Схватил Алёну под локоток и утащил в приёмную, а оттуда, понятно, к себе в кабинет. В приёмной злющая пожилая секретарша, кабинет за двойными дверями, чтобы никто не подслушал оперативные тайны.

Саша осталась одна, и время затормозилось. Глянешь на часы – полтретьего. Подождёшь, глянешь опять – и опять полтретьего! Может, секунды набежали, но кто их запоминает... Раньше, когда Саша почти смирилась с двойкой, ждать было куда легче.

С лестницы тянуло табачным дымом. На первом этаже громко лязгнула решетка «обезьянника».

– Блин! – взревел хриплый голос. – Блин, ты покойник!

Обитатель «обезьянника» показывал удивительную воспитанность. Мальчишки во дворе ругаются грубее.

Со скуки Саша попыталась болтать ногами, но подошвы упирались в пол. Полицейские туфли прибавили ей роста: сидишь на высоком стуле, и ноги не висят. А может, она сама подросла? Скорее бы, а то надоело выглядеть куклой в мундире. «Барби-полицейский», набор для патриотического воспитания...

Она пересела поближе к двери, тихонько потянула ручку, заглянула в приёмную... И встретилась глазами с секретаршей. Чувствуя, что заливается краской, Саша выпустила ручку и уселась с прямой спиной, как примерная девочка. Дверь закрылась не до конца, и в щёлку было слышно, как секретаршин комп вдруг разразился музыкой с треском салюта. (Ага, пасьянс «Паук». Поздравляем, вы выиграли. Хотите сыграть ещё?)

Зацокали каблучки – Алёна. А вот и полковник, провожает её:

– Сыщик от Бога! – (интересно, о ком он так?). – Вы не смотрите, что за ним нет громких дел. Маньяков и киллеров забирает себе МУР, а у нас на первый взгляд труба пониже и дым пожиже. Но профессионалы понимают, что задержать с поличным Старуху Шапокляк было потруднее, чем какого-нибудь уголовного авторитета, который не особенно и скрывался!

– Старуху Шапокляк?! – фыркнула Алёна. Распахнула дверь и остановилась, заканчивая разговор. – А ваш суперсыщик случайно не задерживал поросёнка Фунтика?

– Он задержал Серого Волка, – с непроницаемым видом ответил полковник. – А вы подумайте вот над чем. Каждый день мы получаем ориентировки на розыск неустановленных преступников. Сотни ориентировок, тысячи примет: рост, цвет волос и глаз, форма лица и форма ушей... Запомнить всё не в человеческих силах. Бывает, что убийц задерживают за мелкие нарушения и отпускают. Потом уже хватаются за голову... А назови карманную воровку Старухой Шапокляк, и ее запомнит каждый патрульный. Вот он как работает, наш капитан! С выдумкой! – закончил полковник и кивнул Саше:

– Заходи!

И поставили курсанта Петрачок на красный ковёр, и обидели самыми обидными обидами.

Оказывается, полковник думал, что из патрульно-постовой службы Саша удрала с перепугу. Там же надо возиться со шпаной, которая так и норовит приголубить кастетом или арматурным прутом... А что мог наговорить о ней Алексей Нилыч из архива, Саша примерно знала и раньше. Только не ожидала, что полковник во всём встанет на его сторону. Он же злобный хромой старикашка, этот Алексей Нилыч. Ворчливый, как бормашина. Сам же полковник шутил, что, дай Нилычу волю, он бы ввёл в Уголовный кодекс пожизненный расстрел без права переписки. А сейчас начал защищать Нилыча от Саши, причём словами самого Нилыча.

Какому-нибудь рослому четверокурснику, может, и ничего – выслушивать «от горшка два вершка» и «у тебя нос не дорос». Но если твой нос не достаёт полковнику до галстучной заколки, то «не дорос» превращается в жестокое и глупое оскорбление.

И Саша не стерпела.

Саша для устойчивости расставила ноги.

Саша заткнула уши ладонями.

Саша зажмурилась.

И ЗАВИЗЖАЛА!!!

– Однако! – сказал полковник, когда перестали звенеть спортивные кубки в шкафу и стёкла в окнах. – Ты хотела что-то сказать? Говори погромче, а то у меня в ушах звенит.

– Мы на рынке разгоняли драку, – начала Саша рассказ о своей недолгой патрульно-постовой службе. – Такой был махач – биты, арматура, бутылки. Мне велели сидеть в машине, а я боялась и полезла в самую гущу, смелость показать. А после смотрю, у сержанта скула подбита, у другого рука висит... Они подставились, потому что меня прикрывали!

– Это что же получается, – начал понимать полковник, – ты не за себя испугалась, а за товарищей?

– Трудно сказать, – пожала плечами Саша. – Я подумала, а вдруг бы кого-то из наших серьёзно покалечили? Вот так еду я домой, а его везут в больницу. Я ужинаю, а ему зашивают раны. Я на диване смотрю телик, а он в койке забинтованный. И я знаю, что хороший парень мучается из-за того, что я даже саму себя не смогла защитить!

– А ты почему не садишься, курсант Петрачок? – вдруг спросил полковник. Как будто не знал.

– Я по уставу не сажусь. Жду разрешения старшего по званию.

– А визжала на старшего по званию без разрешения, – буркнул полковник. – Садись.

Кажется, это была похвала.

– Это ты правильно поняла, курсант Петрачок, – продолжал полковник. – Хуже нет, чем подставить боевого товарища под нож или пулю. Он-то тебя простит, если жив останется, а ты себя – никогда... До меня это дошло через два года службы, когда из-за моей ошибки Алексей Нилыч поймал пулю в колено. С тех пор он и лютует в архиве – семнадцать годочков на одной капитанской должности... Кстати, чем ты его разозлила? Нилыч, конечно, сам не подарок, но раньше не выгонял практикантов.

– Наоборот, он меня разозлил, – поправила Саша. – Тем же, чем и вы: «от горшка два вершка», «нос не дорос». И еще «у тебя молоко на губах не обсохло», но это не так обидно. Я понимаю, у него характер такой ругливый. Но зачем напоминать маленькому человеку, что он маленький?! Я взяла и напомнила Алексей Нилычу, что он хромой.

– Эх, не пороли тебя в детстве! – сделал неожиданный вывод полковник. – Ладно, куда тебя направить для дальнейшего прохождения?

Еще полчаса назад Саша мечтала, чтобы ей доверили точить карандаши, а теперь – пожалуйста, сама выбирай, где проходить практику. Везло сегодня курсанту Петрачок! Даже изгнание из архива и мрачное ожидание двойки были, выходит, шагами к везению!

Саша набралась смелости и ляпнула:

– Хочу к капитану Шапокляк! Ой! В общем, вы поняли!

– Ну, ты и нахалка! – изумился полковник. – В угрозыск направляют четверокурсников, без пяти минут офицеров. А с твоей подготовкой что там делать?

– Всё! – отрезала Саша. – Только за сигаретами бегать не буду, мне их не продадут. А так могу прошивать папки с делами, меня Алексей Нилыч научил: «В данной папке прошито, пронумеровано и скреплено печатью пятьсот двадцать два листа». Прибраться, чаю заварить, цветы полить, а если нет цветов, я принесу из дома.

– А отслеживать вооружённых до зубов бандитов? – поинтересовался полковник. – Ты маленькая, тебя никто не заподозрит!

Саша покачала головой:

– Я уже навоевалась в той драке на рынке. Только хороших людей подвела... Да и не допустят меня к оперативной работе в пятнадцать лет, а без приказа я не полезу.

И полковник сдался:

– Раз не полезешь, то и не навредишь. Если б ты ринулась отслеживать бандитов, я бы законопатил тебя в паспортный стол. А так иди в семнадцатый кабинет, обрадуй «капитана Шапокляк». И насчёт цветов не забудь ему сказать!

Саша улетела, как на крыльях, даже не спросив фамилию капитана. Ничего, на месте узнает. На своём рабочем месте в настоящем уголовном розыске, как в кино! Уж она там всё вылизет до блеска! И капитанчик у неё всегда будет напоенный чаем и накормленный домашними пирожками. Прислуживать мастеру не стыдно: рыцарь начинается с паж!

Воспитанный узник «обезьянника» неумоимо ревел «Блин!» и бросался на решётку. Саша шла по номерам на дверях, а крики и железный лязг приближались. Четырнадцать, пятнадцать... Семнадцатый кабинет оказался в двух шагах от поворота к «обезьяннику», и это неприятно её удивило. Прославленного сыщика могли бы устроить, где потише.

Саша заглянула в дверь – ну конечно, Алёна и здесь её опередила. Сидит нога на ногу и суёт диктофон чуть не в рот чужому капитану!

Она уйдёт, а я останусь, успокоила себя Саша. Вскинула руку к пилотке и без приглашения шагнула в кабинет:

– Товарищ капитан! Курсант Петрачок прибыла для дальнейшего прохождения практики!

Как положено, сыщик принял рапорт стоя, но лицом поскучнел, как будто Саша, взгромоздившись на стул, читала стишок про ёлочку. Лицо, кстати, было самое среднерусское, отвернёшься и забудешь. Алёна не смогла бы оценить это замечательное лицо, а Саша сразу подумала: вот внешность настоящего оперативника! Без особых примет, рост средний (на палец пониже Алёны на каблуках), телосложение... скорее атлетическое, чем среднее. Это может создать проблемы, но если подобрать мешковатый пиджак, знаменитый победитель Старухи Шапокляк сойдёт за мелкого бизнесмена или шофёра, каких миллионы.

– Не тянитесь, курсант, в угрозыске другая специфика службы, – сказал сыщик и перешел на «ты»: – Тебя как величать?

– Александра, можно Саша.

– А я Дмитрий Олегович, можно Дмитрий. «Диму» разрешу после первого пуда соли.

Не теряя времени, будущий Дима открыл сейф и вывалил на стол груды папок:

– Держи, Александра. Клади пока на подоконник, завтра найдём тебе стол.

Сумасшедшее везение продолжалось. Свой стол в угрозыске! Сказать кому из роты, не поверят же!

- Двенадцать дел, а почерк один, - продолжал будущий Дима. - Специально не объединяли: кражонки легкие, раскрыть, и сразу нарубим палок.

- Стоп-стоп! А зачем палки рубить? - всунулась с диктофоном Алёна.

- Традиция, - не моргнув глазом объяснил сыщик. - С каждого раскрытого дела откладываем палочку, потом едем за город и жарим на них шашлыки.

- Ага, чем лучше поработали, тем скорее банкет! - повелась на розыгрыш журналистка. - Отличная деталь, обязательно вставляю в очерк! А теперь вернёмся к разговору о вашей маме.

- А как же я?! - всполошилась Саша. - Дмитрий, скажите хотя бы, что делать с папками - прошить, пронумеровать?

- Изучить! Потом поделишься своими версиями.

Это было уже за пределами самых смелых мечтаний. Онемевшая от счастья Саша смогла только благодарно пискнуть в ответ. Хотелось броситься капитану Димулечке на шею и для профилактики лягнуть Алёну полицейской туфлей. А то уже про маму спрашивает, змея! В семью втирается.

Она уйдёт, а я останусь, повторила про себя Саша. Пристроилась на стуле у своего подоконника и открыла первую папку...

Сыщики не читают детективов. Они в них живут, а это гораздо интереснее. В настоящих детективах сыщики не вскакивают, получив пулю в бронежилет, а лежат в нокауте, а после месяц харкают кровью и поглаживают под рубашкой синячище размером с тарелку. А вообще в настоящих детективах стреляют куда меньше, чем в книжных и киношных, и не так красиво бьют морды. Главный инструмент сыщика не пистолет, а блокнот для работы со свидетелями. Он проходит по лестницам километры - от квартиры к квартире. Беседует с десятками, а то и сотнями людей. Разыскивает свидетелей преступления. Вербует агентов среди мелких преступников, чтобы через них выйти на крупных.

А потом, сняв под столом ботинки с натруженных ног, записывает свой детектив скучными, но точными фразами.

Если умеешь читать уголовные дела, увидишь в них и шерлок-холмсовскую работу мысли, и часто слёзы, а порой кровь и боль. Саша пока только училась этому, но в колледже у неё были хорошие учителя. Подтягивается человек на перекладине, и вдруг под вылезшей футболкой, против печени, видишь ножевой шрам. «Товарищ майор, как это вас?» – «А я стоял вот так, он зашел мне под руку...» Послушаешь, и приём борьбы, который не успел провести майор, запоминается легко и навсегда. А за простой фразой «На требования остановиться и бросить оружие подозреваемый не реагировал» видишь такое кино, что Голливуд отдыхает.

Кражи из папок капитана Димули были похожи как близнецы. Среди бела дня вор (или воры?) забирался в открытые окна квартир на втором этаже (оно понятно: выше лезть опасно, а на первом мало кто рискнёт оставить незапертое окно). Легко находил расходные деньги – их далеко не прячут. Без разбора хватал золото и бижутерию, видео, часы и совсем уж дребедень. Хотя как сказать – дребедень, если, к примеру, коллекционный набор солдатиков из Англии их владелец, пожилой мужчина, оценил в сто двадцать фунтов стерлингов...

Саша разложила папки по порядку. Первая кража – двадцать восьмого апреля. Солнышко пригрело, а батареи ещё жарили по-зимнему, вот народ и пораскрывал окна. А кто-то соблазнился и сразу попал в воровской рай: богатую квартиру с отключённой сигнализацией. (Хозяйка вышла к соседке «на пять минут» и зацепилась языками на полтора часа.) Вор обогатился тысячей долларов и золотом на двести двадцать тысяч рублей. Это не считая видеоплеера и бутылки шампанского «Дом Периньон», чтобы выпить за здоровье растяпы.

В папку попала вырезка из районной газеты; капитан подчеркнул в ней абзац и наставил гневных восклицательных знаков. Ага, растяпе в тот день повезло: вор не взял бешено дорогое кольцо с бриллиантами. Дотошный газетчик предположил, что золотой ошейник и бриллианты с ноготь обогнали воображение вора, и тот принял драгоценность за дешёвую бижутерию. Вор учел подсказку и стал выгребать все украшения подряд, но таких удач ему больше не выпадало.

Двенадцатое мая – обручальное кольцо, часы «Павел Буре» (старинные, но недорогие: от четырех до восьми тысяч по заочной оценке) и тысяча семьсот рублей, похищенные из тайника в гардеробе под постельным бельем. Пенсионерку обворовал, гад.

Тринадцатое – те самые солдатики, какой-то «сувенир шарики на коромыслах» и десять тысяч наличными из такого же надёжного тайника в гардеробе.

Пятнадцатого мая вор увёл двадцать пять тысяч из супницы от парадного сервиза, очередной видеоплеер и четыре сотни дисков. Четыре дня смотрел кино, два дня воровал по мелочи. Отдохнул в выходные и двадцать пятого, в понедельник, схватил куш: сто тысяч наличными. Ушёл сразу, больше ничего не прихватив, и залег на дно до июня...

Личность вора начала складываться, и Саша решила пока не читать остальные папки. Итак, подозреваемый разбирается в брюликах как свинья в апельсинах. Начал с богатого дома, вычитал из газеты, как ему повезло с отключённой сигнализацией, и стал орудовать в домах попроще. Вывод: богатой жизни не знал, воровского опыта не имел. При этом физически развит, возможно, бывший альпинист или циркач. Что-то выгнало его на улицу двадцать восьмого апреля и заставило искать деньги. Любым путём, лишь бы сразу. И вдруг – маняще распахнутое окно! Глаза мгновенно проложили маршрут подъёма, натренированные пальцы вцепились в выступы кирпичной кладки... Непонятно, почему капитан Димочка считает дело лёгким. Как раз наоборот! Свидетелей нет, отпечатков вор не оставляет, куда ползет в следующий раз, не знает сам. Как его ловить в городском районе размером с половину княжества Лихтенштейн? Не устроишь же у каждого дома засаду...

Между тем капитан уверенно бубнил в Алёнин диктофон. Что говорил, пролетало мимо Саши, как звонки трамваев за окном.

– Он не воспитанный. Он вас звал! – сообразила Саша.

– Кто?

Саша показала на дверь. Притомившийся узник «обезьянника» едва хрипел, но можно было расслышать:

– Блин! Я тебя достану!

Весёлый, уверенный в себе сыщик вдруг опустил глаза и начал сметать со стола несуществующий мусор.

– Мешает работать?

Саша поняла, что сморозила какую-то бестактность, и по примеру капитана стала мести подоконник.

– Да нет. Гражданин орёт уже тише...

(Вот именно! А раньше орал громче, но капитан делал вид, что не слышит. Загадка...)

– Пускай гражданин орёт, у нас свободная страна! – поддержала Сашу журналистка. – И потом, это даже придаёт обстановке полицейский колорит.

– Я всё-таки уберу звуковое оформление, – решил сыщик.

И вышел.

– Ты что-нибудь поняла? – спросила Алёна.

Саша только руками развела. И бросилась подслушивать.

Голоса стали слышны, как только Саша распахнула дверь. Даже выходить в коридор не пришлось. Алёна подскочила и вытянула у неё над головой руку с диктофоном. Дылда и есть дылда. Сашина пилотка не доставала ей до подмышки.

– Как же ты надоел мне, князь! – с непонятной теплотой говорил сыщик.

– А ты иди сюда, Блин! – бандит затряс решётку. – Я отверну тебе башку и больше не буду надоедать!

Сыщик держался невозмутимо:

– А вот это заманчивое предложение надоело мне особенно. Князь, очнись! Мы уже не в восьмом классе. Сколько раз с тех пор я тебя лупил, а ты всё думаешь, что я ботан Митя, у которого можно мелочь отбирать.

– Не такую уж и мелочь, – сварливо уточнил князь. – Если считать за всё время, то баксов на пятьдесят я тебя наказал!

– Наказал, и молодец. Остановись, князь!

– Никогда! У меня к тебе большой счет, Блин! Ты разорил моего отца!

Решетка лязгала и стонала. Саша представила, как разорённый князь, похожий на гориллу в черкеске, раскачивается, вцепившись в прутья руками и ногами.

Сыщик хладнокровно выждал, пока князь не устанет, и в наступившей тишине спросил:

– Короче, тебя выпускать сейчас или когда проспишься?

– Сейчас!!! – загремела решетка. – Только выпусти меня, Блин, я с тобой за всё рассчитаюсь!

– Значит, когда проспишься, – заключил сыщик.

Саша захлопнула дверь и кинулась к своему подоконнику с папками.

Вон оно что: одноклассники. И сыщик бережно опекает бандита: «Тебя когда выпускать?» А мог бы отправить этого князя на лесоповал за нападение на сотрудника полиции.

Непонятный капитан Блинков. И безумно симпатичный!

После разговора с князем непонятный и безумно симпатичный капитан потерял кураж. Перестал врать Алёне, на вопросы отвечал коротко и поглядывал на часы.

– Вы куда-то спешите? – поняла намёк журналистка.

– Да пустяки, в засаду. Надо ещё получить на складе патроны и надрезать пули крест-накрест, чтобы получились дум-дум, – без прежнего блеска сострил сыщик.

Неугомонная Алёна спросила, что такое дум-дум, он отмахнулся:

– Всё завтра, если я вам ещё не надоел. У меня правда служебные дела.

Но когда журналистка ушла, непонятный и безумно симпатичный стал откровенно валять дурака. Вытащил из стаканчика ручки, стаканчик потряс, ничего не вытряс и положил ручки назад. Покликнул компьютерной мышкой, явно раскладывая пасьянс, бросил и уставился на Сашу.

– Ознакомилась с делом, курсант Петрачок? Докладывай!

А раньше говорил «Александра», «не тянись, в угрозыске другая специфика службы»... Саша на всякий случай вытянулась и доложила насчёт физически развитого альпиниста или циркача. Добавила, что не считает дело лёгким. Это же классическое спонтанное преступление: шёл по улице, видит – окно распахнуто, а вокруг никого, и влез. А мог пойти по другой улице. Системы в действиях преступника нет, жертвы с ним не знакомы, значит, следственными методами ничего не добьёшься. Надо ждать следующих краж, когда, может быть, появятся свидетели. А пока работать с агентурой в среде скупщиков краденого.

– Спонтанное преступление – когда без предварительного умысла, – поправил сыщик. – Не собирался красть, но уж больно плохо вещь лежала... А когда пошёл куда глаза глядят, чтобы украсть, это неспланированное... И не закливайся на альпинисте. Лично я был только на первом месте преступления, где хозяйка наговорила с соседкой на восемь тысяч долларов. Там легко можно влезть в

окно с козырька подъезда. Отсюда мораль: обойди все места преступления и попробуй влезть в окна. Если не сможешь, будем искать альпиниста.

- Я?! - растерялась Саша.

- А здесь есть кто-то ещё?.. Ты выдвинула версию, тебе и проверять!

Саша ещё не верила. Эй, товарищ непонятный и безумно симпатичный капитан, вы хоть понимаете, кому доверили двенадцать всамделишных уголовных дел? Я не четверокурсница - без пяти минут офицер. Я - нос не дорос! Почитать дела, которые ведут настоящие сыщики, построить версию - я с удовольствием. Но РАССЛЕДОВАТЬ?! Это что, новый розыгрыш?

- Я окончила первый курс, - напомнила Саша.

- Поздравляю, - поздравил сыщик.

- А если не справлюсь? У вас будет двенадцать нераскрытых дел, и вам попадёт!

- Объединим их в одно, и не попадёт, - нашел выход сыщик. - Лазить по окнам иди в форме, чтобы соседи не звонили в полицию. Скажешь, следственный эксперимент.

- А полковник не разрешит!

- А мы ему не скажем!.. Не пойму, Александра, ты недовольна?

- Да я счастлива! Но так не бывает! Мне всего пятнадцать лет!

Непонятный и симпатичный улыбнулся.

- Как же не бывает, если я сам раскрыл своё первое дело в неполных четырнадцать?!

Саша так растерялась, что даже схамила:

- Это когда князь у вас мелочь отнимал?

- Отнимал, - не обиделся сыщик. - А его отец отнимал у моего целый Ботанический сад!

- Разве так можно? Сад же городской или даже государственный!

- Тогда и похлеще дела проворачивали. Лихие девяностые, Александра. Слышала такое выражение?

Лицо у него было почему-то мечтательное.

- Дмитрий Олегович, а ведь вы не спешите ни в какую засаду с пулями дум-дум, - догадалась Саша. - Вы ждёте, когда проспится пьяный князь, чтобы выпустить его из «обезьянника»!

- Не ночевать же ему за решёткой...

- По мне, так пускай бы ночевал. Но раз вы всё равно не уходите, то рассказывайте, как было! - потребовала Саша. - Про князей, старшего и младшего, про Ботанический сад и про всё.

Капитан подобрался, обжёг ледяным взглядом, спросил командирским тоном:

- Курсант, а вы не наглее? Первый день знакомы, и сразу в душу лезть?

А Саша нарочно стала болтать ногами, хотя в полицейских туфлях было неудобно.

- Не-а. Я ведь вам не какая-нибудь журналистка. Она придёт и уйдёт, а я останусь и буду завтра в окна лазить. Я останусь, пока не прогоните. Потому что вы первый увидели, что я не от горшка два вершка, а человек, только маленький. И теперь вы мой учитель, гуру и сенсей!

- Ну, раз гуру и сенсей, тогда другое дело, - решил победитель Старухи Шапокляк, непонятный и симпатичный Сашин товарищ капитан Димулечка. - Слушай...

Девяностые годы сейчас называют лихими, проклятыми, безумными. Страна пыталась жить по-новому, а новые законы ещё не все были написаны и старые ещё не все отменены. Началась неразбериха. Одним, чтобы честно работать, приходилось нарушать устаревшие законы, и они каждую минуту ждали ареста. Другие воровали целые заводы и в ус не дули, потому что законов против них ещё не было. В одном месте не хватало денег на самое необходимое, а в другом спускали миллионы на лишнее. Русскую нефть, сталь, алюминий покупал весь мир, а рабочим по полгода не платили зарплату; их голодные дети презирали отцов и мечтали стать бандитами.

Но для меня те годы были просто школьные. Преподобной жизни я не помнил, а о будущей не мог знать...

Глава I

Проблема рэкета в жизни осьмиклассника

– Привет, Митек. Звонил мистер Силкин дядя Миша, долетел нормально. А у меня проклюнулась Уртика диоика, – сказал старший Блинков, жуя бутерброд, снимая галстук и надевая шлепанцы. – Ты мусор вынес?

– Ага, – кивнул Блинков-младший. Мистер Силкин дядя Миша раньше был аспирантом у старшего Блинкова, а потом насовсем уехал в Америку. Иногда он приезжал погостить. Блинкову-младшему мистер Силкин дядя Миша не нравился.

– Ну тогда пусти меня за компьютер, – выдвинул старший Блинков нелогичное и нарушающее права человека требование.

– У меня ещё полчаса машинного времени, – восстановил себя в правах Блинков-младший и набил на клавиатуре несколько совершенно ненужных цифр. – Уртика чья?

– Ничья. Уртика диоика, это по-латыни. Я же тебе рассказывал: в захоронении сарматской принцессы нашли семена, им две тысячи триста лет. И теперь одно семечко проросло. – Старший Блинков поднес к очкам бутерброд и галстук, выбрал бутерброд и откусил. – Третий век до нашей эры! Представляешь, сарматы ввязались в боспорские войны, а это семечко уже было. Строилась Великая Китайская стена, а это семечко было. Македония победила Афины в Хремонидовой войне...

– Проходили, – неуверенно проговорил Блинков-младший. И это называется круг интересов взрослого человека! Китайская стена и Хремонидова война... – Дорогое, наверное, семечко?

– Бесценное, – дрогнувшим голосом объявил старший Блинков. – В египетских пирамидах находили семена, но прорастить их не удавалось.

– Бесценное – это сколько? Если в долларах? – неосторожно уточнил Блинков-младший.

Старший Блинков всхрипнул и стал заливаться краской.

– Я мечтал вырастить мужчину, – сухо сказал он, – которому, когда придет время, передам свой гербарий.

И выскочил из комнаты. Галстук развевался за ним, как флаг никому не известной, но гордой республики.

– Да разве я возражаю? – пожал плечами Блинков-младший.

Старший Блинков уже громыхал тарелками на кухне. Компьютер, переварив набитые младшим ненужные цифры, ехидно мигал красной табличкой «Гейм лост» – игра проиграна.

Ну и что такого? Что такого особенного человек сказал, чтобы после этого убегать и демонстративно брякать посудой? Цену имеет все: ботинки, небоскребы, белые мыши и не сосчитанная рыба в воде. Слил отходы в реку – заплати штраф. И правильно. А то кто-нибудь такой рыбки поест и до конца

своей короткой жизни будет работать на лекарства.

До этого пункта Блинковы друг друга понимали – и младший, и старший, и мама, которая была не Блинкова, а Гавриловская. Но когда, к примеру вспомнить, в Государственной Третьяковской галерее Блинков-младший предложил экскурсоводше повесить на все картины таблички с ценой, получился скандал.

Экскурсоводша стала молча хватать ртом воздух. Папа и мама с двух сторон наступили единственному сыну на обе ноги. Экскурсанты засмеялись. Небось идут куда-нибудь в молочный за своим кефиром – и ничего, не смеются, что на кефире висит ценник. А одна старушонка, разукрашенная, как африканский колдун, заявила, что Блинковы – типичные новые русские и это про них сказано «златая цепь на дубе том». И никто, никто не оценил новаторскую идею Блинкова-младшего.

А ведь как было бы хорошо для рекламы, если бы на самых редких старинных картинах висели ценники. Тогда народ ещё сильнее потянулся бы к изобразительному искусству. Потому как ведь всем интересно, что почём.

Блинков-младший отменил команду и стал вводить в компьютер другие цифры, правильные. Баланс банка «Воздушный кредит» из своего любимого журнала «Большие деньги» за февраль позапрошлого года.

Игру он сам придумал: берёшь какой-нибудь лопнувший банк или фонд и следишь, кто на чём погорел. Очень увлекательно. Только выиграть в эту игру было нельзя. Каждый раз кончалось тем, что на экране начинало мигать «Гейм лост».

Блинков-младший и не хотел выиграть. Он проверял экспертов «Больших денег», которые в позапрошлом году, понятно, не знали будущего, а он теперь уже знал. Если эксперт безошибочно предсказывал, когда и почему закроется тот же «Воздушный кредит», Блинков-младший заносил его фамилию в особый список.

Он подбирал сотрудников для своего будущего банка и не хотел ошибиться. Потому что, кажется, Рокфеллер сказал, что кадры решают всё.

– Привет, Митёк. Поймали террориста, который в Государственной думе плевал в столовский компот. Завтра следственный эксперимент с прямой трансляцией по телевизору, – сообщила мама. – Ты мусор вынес?

Блинков-младший вздрогнул, чтобы доставить маме удовольствие. Она всегда входила тихо-тихо и любила, когда вздрагивают от неожиданности. Это было профессиональное: мама служила в контрразведке.

– Вынесу ещё, – честно сказал Блинков-младший, не надеясь обмануть маму-контрразведчика. Всё равно она проверила бы, это у неё тоже профессиональное. – Сейчас доиграю и вынесу, а то папа как займёт компьютер, так до ночи.

– В банк режешься? – спросила мама, открыв шкаф и убирая от Блинкова-младшего автоматический пистолет Стечкина.

Только она могла сказать про его игру «режешься». Всё остальное знакомое Блинкову-младшему человечество резалось в компьютерные стрелялки и бродилки, а если имело дело с бухгалтерским балансом, то не резалось, а работало, причём безо всякого смака.

– Ага, в банк. Программа слабовата, – пожаловался Блинков-младший. – Ты не можешь там у себя списать настоящую, с двойной итальянской бухгалтерией?

Мама заперла шкаф с пистолетом, а ключ спрятала в молочник от свадебного сервиза.

– Могу, – ответила она не задумываясь, потому что контрразведка может всё. – А зачем тебе? Двойная итальянская бухгалтерия – это же, наверное, шестнадцатый век или ещё раньше. Тогда не знали отрицательных чисел и придумали дебет-кредит. Всё можно проще, я покажу.

И мама стала показывать, встав за спиной Блинкова-младшего и через его плечо положив на клавиатуру пальцы с длинными перламутровыми ногтями.

От неё пахло военными коридорами – чужим табаком и чужим гуталином «Люкс» из больших килограммовых банок. Духов мама не любила, потому что, если

придётся сидеть в засаде, сильный запах может выдать контрразведчика.

Вообще мама-контрразведчик – совсем не то, что папа-ботаник. Её боялись все, в ком совесть нечиста, и на всякий случай – все остальные. Особенно владельцы тиров, где стреляют на приз, потому что мама выигрывала у них все призы подряд, а потом раздавала их маленьким детям.

Девичью фамилию Гавриловская маме запретил менять на Блинкову сам начальник контрразведки. А то пришлось бы менять её фамилию и во всех контрразведчицких документах, а среди них были настолько секретные, что их для сохранности от шпионов замуровали в фундаменты различных исторических построек.

И вот начальник контрразведки подумал, какими ужасными разрушениями грозит столице нашей Родины перемена девичьей фамилии капитана Гавриловской, если взламывать фундаменты отбойными молотками, доставать документы и переправлять в них фамилию.

Подумал он так и написал на её рапорте: «Категорически запрещаю. Предлагаю сменить фамилию гражданину Блинкову».

Но гражданин Блинков взбунтовался! Гражданин Блинков отправил начальнику контрразведки письмо, начинавшееся словами «Уважаемый товарищ генерал» и кончавшееся «С уважением, Блинков». В середине был четырёхстраничный список его научных работ по ботанике и ещё одно-единственное предложение:

«Являясь достаточно продвинутым в области генетики покрытосеменных исследователем, я состою в научной переписке с рядом изданий и специалистов международного уровня, вследствие чего перемена фамилии означала бы для меня либо полный отказ от наработанного авторитета, в том числе международного, что пусть ничтожным, но тем не менее негативным образом отразилось бы на авторитете отечественной науки, либо продолжение научной переписки под прежней фамилией Блинков, что, по существу вопроса, не являлось бы переменной фамилии».

Потрясённый научной логикой и ясностью формулировки, генерал ответил гражданину Блинкову на фирменном бланке контрразведки. Этот бланк старший Блинков до сих пор хранил в гербарной папке с тибетским эдельвейсом. Любой

написанный на таких бланках текст совершенно бесследно исчезал через час, поэтому мама, когда принесла генеральское письмо, передала на словах, что генерал только запретил менять фамилию ей, капитану Гавриловской, а гражданин Блинков – как хочет. В конце концов, живут же супруги под разными фамилиями.

И они остались жить под разными фамилиями.

И когда родился Блинков-младший, он стал Блинковым-младшим по школьному прозвищу Блин.

А ведь если бы папа сменил фамилию, Блинков-младший запросто мог бы стать каким-то непонятым Гавриловским-младшим, и ещё неизвестно, как его звали бы в школе. Маму, например, звали в школе Гаврилой, пока она не записалась в секцию борьбы самбо.

Папа очень гордился своим бунтом против самого начальника контрразведки. Он хотел, чтобы Блинков-младший знал, кому обязан тем, что он Блинков-младший, и часто рассказывал это семейное предание. И хотя Блинкова-младшего тогда ещё, как говорится, не было в проекте, ему казалось: был он, был и сам всё видел. Потому что вообще очень трудно представить белый свет без себя, финансово одарённого подростка Дмитрия Блинкова.

За оградой позади помойки было подходящее место для молодёжи. Там валялись старые холодильники, словно специально выброшенные, – чтобы на них сидеть и выцарапывать всякие надписи. Если шёл дождь, холодильники ставили в кружок на попу и залезали внутрь.

Ещё за помойкой росли тимофеевка, одуванчики и ромашки пахучие, которые многие путают с ромашками аптечными, хотя у тех нет краевых язычковых цветов, – тому, у кого папа ботаник, разница видна с первого взгляда.

Блинкову-младшему нравилось посиживать за помойкой на коротком холодильнике «Иней», придерживая за талию самостоятельных подростков Ломакину и Суворову, чтобы они не свалились. «ЗИЛ-Москва» в этом отношении был гораздо хуже, потому что больше. На нем свободно рассаживались трое, и придерживать за талию никого не требовалось.

Понятно, что, если человека отрывают от компьютера, не дав пережить крах банка «Воздушный кредит», и посылают выносить мусор, он имеет полное право на тихие развлечения в обществе Ломакиной и Суворовой.

Понятно и то, что, если вместо этого изысканного общества человек, заглянув за помоечную ограду, видит дважды второгодника князя Голенищева-Пупыркомладшего, он имеет столь же несомненное право унести ноги. Если, конечно, князь Голенищев-Пупыркомладший не заметит человека и не заорёт:

– Какие люди без охраны! Блин!

Он орал так громко и таким поганым голосом, что за помойкой полегли травы, а откуда-то с неба или скорее всего с пятого этажа взвизгнул женский голос:

– Не ругайтесь, здесь маленькие дети!

– Мы не ругаемся! Это у него кликуха такая: Блин! – радостно завопил князь Голенищев-Пупыркомладший. Ржавым кривым гвоздём он выцарапывал на холодильнике: «Коррозия металла» и дошёл уже до третьей буквы «л».

Оценив проделанную князем работу, Блинков-младший решил, что, конечно, право унести ноги никто не отменял. Только ведь князь фиг отпустит. Он битый час развлекался тут сам с собой и, ясное дело, соскучился с таким придурком.

– Садись, Блин. Будь как дома, Блин, – сказал князь Голенищев-Пупыркомладший, принимаясь за четвертую букву «л». – Американец-то ваш уехал?

– Уехал, – подтвердил Блинков-младший. – Вообще-то он не совсем американец, просто папин аспирант. Мистер Силкин дядя Миша.

– Барахла, наверное, понавёз... – размечтался князь Голенищев-Пупыркомладший.

– Нет. Ему там платят мало, тысяч двадцать в год. А в Днепропетровске у него мама и сестра, – отрезал Блинков-младший, подумав, что интересно всё-таки было бы заглянуть в пакеты, которые мистер Силкин дядя Миша совал маме. А она совала эти интересные пакеты обратно, и мистер Силкин дядя Миша,

разумеется, не смог пересовать контрразведчика. Так и увёз свои пакеты в Днепропетровск.

– Ничего себе мало – двадцать кусков, – буркнул князь.

– Это по-нашему много, а по-американски мало. Там другая структура бюджета, – повторил Блинков-младший слова мистера Силкина дяди Миши.

– Хорош трепаться, экономист! – проворчал князь Голенищев-Пупырко-младший. – Карл Маркс недорезанный.

Всякие такие разговоры, если они не насчёт барахла, князь считал особо тонким и непонятным издевательством над собой, Голенищевым-Пупырко-младшим. Потому что, на его взгляд, нормальный человек просто не мог без тайного умысла говорить о том, что не барахло.

Пересчитав свои нацарапанные буквы «л», князь исправил четвертую на «а» и похвастал:

– Видал, Блин, косуху?

Блин видал. Подходящая косуха была на князе. Толстокожая, с нужным количеством заклёпок, «молний», карманов и фенечек. Нужное количество – это ровно столько всякой всячины, сколько можно пришить, приколоть и наклепать на косуху. Переборщить здесь нельзя.

– Ты кожу пощупай! – приставал князь.

Все равно, сказал себе Блинков-младший, мелкие коммерсанты типа старшего князя Голенищева-Пупырко исторически обречены. Пускай он сейчас дарит сыну косухи долларов примерно за двести пятьдесят шесть в розничных ценах стамбульского базара плюс расходы на перевозку. Пускай он даже выменял себе по бартеру на цистерну пива княжеский титул. Но через десять лет всех мелких коммерсантов разорят супермаркеты.

И Блинков-младший пощупал князеву косуху с полным равнодушием. Кожа была великолепная.

– Что ты как дохлый, Блин?! – обиделся князь. – Рассказал бы что-нибудь, Блин.

– Мать задержала ещё одного террориста, – с намёком сообщил Блинков-младший. И добавил от себя: – Четыре перелома и вывих носовой перегородки.

– А мне параллельно, Блин, – заявил князь, хотя ему не было параллельно. Он боялся, что Блинков-младший когда-нибудь обучится у мамы секретным приёмам из арсенала контрразведчиков-нелегалов.

– Ну, я пошёл, – заторопился Блинков-младший и всё испортил. Увядший было князь не без колебаний, но всё же поднёс к блинковскому носу свой почти взрослый бугристый кулак:

– Куда, Блин? Забыл, Блин? Ты на счётчике, Блин.

Если бы от испуга сердце на самом деле уходило бы в пятки, подумал Блинков-младший, это спасло бы массу народу от смертельных ранений.

– Валяй, зови мамочку, – безразличным голосом разрешил князь. – Я от тебя, Блин, десять раз мокрое место оставлю.

Блинков-младший осторожно вздохнул, чуя запах княжеского кулачища.

– Неси должок, Блин, – сказал князь и коротко ударил Блинкова-младшего по носу. Боль была терпимая, но Митька почувствовал, как из ноздри побежала тёплая струйка, и громко шмыгнул.

– Сопляк! – процедил князь. – Мне об тебя даже руки марать неохота. Ты думаешь, питбуль у нас на что? Питбультерьер, Блин, пёс-убийца. Бабка его кормит живыми кроликами, понял, Блин? Для кровожадности... Памятник тебе поставим за наш счёт. С надписью «Незабвенному Блину от Голенищевых-Пупырко».

Где-то в вышине со стеклянным дребезжанием захлопнулось окно, наверное, то, из которого князю запрещали кричать «Блин!». За помоечную ограду забежала дворняга и деловито пометила любимый блинковский холодильник «Иней», глядя перед собой печальными глазами.

Князь молча потянулся к собаке ногой, но не достал и снова повертел кулаком у блинковского носа.

Деваться от него было некуда.

Как финансово одарённый подросток, Блинков-младший твёрдо знал, что если заплатишь рэкету один раз, то будешь платить всю жизнь. А всю жизнь платить князю Голенищеву-Пупырко-младшему было просто нельзя уже потому, что тогда пришлось бы всю жизнь любоваться его физиономией.

С другой стороны, Блинков-младший знал, что надёжно прикрыть от рэкета способна только личная охрана. Мама тут совершенно не годилась. Она с девяти утра до семи вечера с большим военным перерывом на обед ловила шпионов и террористов, а потом ещё шла по магазинам. Если вычесть сон, чистку орденов и личного оружия и тому подобные хозяйственные дела и засчитывать только чистое время, как в хоккее, то на Блинковых у неё оставалось не больше часа в сутки.

– Не слышу ответа, Блин, – угрожающе протянул князь и двинул Блинкову-младшему под ложечку тяжелым кулаком.

В конце концов, не мы первые, не мы последние, философски рассудил Блинков-младший. Вся мировая история состоит из того, что финансово, а также научно и творчески одарённые люди собирают деньги и строят на них всякие полезные и красивые вещи, а потом приходят наготовенькое варвары и протыкают одарённым животы бронзовыми мечами или стреляют в их широкие затылки из наганов. Причём и мечи, и наганы изобретают на свою погибель одарённые.

Но всё же, как обидно пропадать, даже не открыв своего банка!

Блинков-младший изо всех сил зажмурился и отчеканил:

– Ничего я тебе не должен.

– Как же, Блин?! – возмутился Голенищев-Пупырко-младший. – Алгебру ты мне дал списать? Не дал, Блин. Двойку я получил? Получил, Блин...

В этот момент Блинков-младший окончательно решил, что его банк так и будет называться – «Блинков-младший». Или даже «Блинковъ-младший», по-дореволюционному. Это добавит фирме доверия.

– Батя меня оштрафовал на пять баксов? Оштрафовал, Блин, – упоённо талдычил князь Голенищев-Пупырко-младший. – Ты мне заплатил? Не заплатил, Блин. Проценты набежали?..

Князь перевёл дух и, наверное, посмотрел на Блинкова-младшего.

– Ты чё глаза закрыл? Хорош торчать, Блин. В общем, у тебя сто сорок баксов, половина – мне.

Двести четыре, поправил про себя Блинков-младший и открыл глаза. В мире ничего не изменилось, только собака ушла.

– У нас будет долгая жизнь, князь, – чувствуя себя старым и усталым, сказал Блинков-младший. – Тебе останется папина торговля, князь, а я открою банк. Я тебя разорю, князь, а ты побьёшь мне витрины кирпичом. И тогда я велю охране класть тебя мордой в асфальт столько раз, сколько ты подойдёшь к моему банку. Мордой в асфальт, князь.

МЕСТО, КОТОРОЕ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ЧИТАТЬ ЛИЦАМ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Они думают, что твоя жизнь состоит из школьных уроков, жвачки, компьютерных игрушек и дурацких песенок.

Они даже не догадываются ни о твоих мелких коммерческих сделках, ни о той Настоящей Опасной Штуке, которую ты прячешь от них сам знаешь где.

Они тебе говорят: «Иди поиграй во дворе», – и неизвестно как представляют себе эти игры. Наверное, думают, что ты ковыряешься в песочнице или разгадываешь шарады: со звуком «с» – я невкусна, но в пище каждому нужна; с «м» – берегись меня, не то я съем и платье, и пальто.

Вот когда за помойкой рванёт и во всём дворе повылетают оконные стекла, они, может быть, сообразят, что ты ковырялся где-то не там. А насчёт ковыряния в резинках Ломакиной и Суворовой не сообразят никогда. «Ты почему, – скажут, – красный такой? Наигрался? А я борщ варю в скороварке, пойдёшь ещё побегай».

Они понятия не имеют, от кого тебе придётся бегать. И ты сам, выходя из парадного, понятия об этом не имеешь. Кто погонится, от того и побежишь.

Ты выходишь, как боец в осаждённом Сталинграде, только безоружный. Почти все вокруг одного возраста: старше тебя. По-военному говоря, превосходящие силы противника.

Кошмар твоей жизни в том, что ты ещё не вырос, а эти силы выросли в самом простом, коровьем смысле: набрали вес. Одним весом тебя могут сбить с ног и попинать, целя высоким шнурованным ботинком в твой живот. Могут опять же весом, безо всяких контр-разведчицких приёмов, навалиться так, что у тебя потемнеет в глазах, и не спеша выворачивать твои карманы. Могут отобрать двадцать рублей, которые ты сэкономил на мороженом и собирался конвертировать в доллар, и плюнуть в фотографию Кузиной, но это вопрос уже не веса, а подлости.

Ты придёшь домой, хлюпая расквашенным носом и задирая голову, чтобы не накапать на футболку, а они скажут: «Опять подрался?! Сколько раз тебе говорить: не связывайся со шпаной!» Как будто ты связывался. Ну прямо горел желанием получить по физиономии.

Самое смешное, что ведь они тоже прошли через всё это, но забыли. Потому что люди вообще быстро забывают плохое, а то не смогли бы жить.

ДАЛЬШЕ ЧИТАТЬ РАЗРЕШАЕТСЯ ВСЕМ.

Блинков-младший становится вором и ничуть об этом не жалеет

Блинков-младший проснулся от боли в правом плече. Нос тоже болел. Его хозяин потрогал самый кончик здоровой рукой. Нос был надутый и горячий, как электрическая лампочка. Стало ещё больнее, и сон кончился насовсем. Блинков-младший вспомнил о князе и понял, что весь день у него будет отравлен. Потому что для таких сложных и финансово одарённых людей, как Дмитрий Блинков, получить по морде – это самая легкая половина дела. Теперь надо было ещё пережить это безрадостное событие.

Мама и старший Блинков ушли на работу. На прошлой неделе начались каникулы, и ни семья, ни школа не могли заняться воспитанием Блинкова-младшего. По этой причине он:

а) валялся в постели до двенадцати;

б) полчаса рассматривал в зеркале свой расквашенный нос;

в) не стал разогревать борщ;

г) не стал пачкать тарелку, а сел себе с холодной скороваркой за компьютер и

д) наконец разобрался, что там произошло с банком «Воздушный кредит», и одновременно поел, сэкономив минут двадцать короткой человеческой жизни.

Между прочим, из всех экспертов журнала «Большие деньги» крах банка первым предсказал В. Жучко. Очень рано предсказал, когда все считали «Воздушный кредит» надежным заведением. Этот В. Жучко уже был в списке сотрудников банка «Блинковъ-младший», и, больше того, рядом с его фамилией стояло четыре плюса. А Т. Сидякина, из кадровых блинковских сотрудников, на этот раз ошиблась. Блинков-младший наказал её минусом.

Потом он слазил в платяной шкаф проверить, не забыла ли мама свой табельный пистолет Стечкина. Не забыла. На третьей полке, под простынями, на подстеленной газете расплылось большое пятно ружейного масла.

А на второй полке Блинков-младший нашёл журнал «Обалденные тетки» с фотомodelью Ниной Су на обложке. Нина Су была старшая сестра Суворовой, и, наверное, поэтому мама не выбросила журнал, а только спрятала его от Блинкова-младшего. Каждому ведь приятно, когда его знакомые попадают в печать.

Журнал остался от мистера Силкина дяди Миши. Этот мистер Силкин был какой-то ненормальный. Блинков-младший ходил с ним по Москве, так если мистер Силкин видел «Макдоналдс», то восторгался, что «Макдоналдс» точь-в-точь как в Америке. Если видел журнал «Обалденные тетки», то восторгался, что и тетки совершенно как в Америке, такие же обалденные. «Надо же, – говорил мистер Силкин, – какой прогресс». А ещё он говорил: «Америка – моя добрая мачеха. О ней либо хорошее, либо ничего». При этом у него было кислое лицо ябедника.

Наконец Блинков-младший полил огород старшего Блинкова. Огород был самый настоящий: пять грядок-ящиков одна над другой в кухне и пять – в комнате родителей. Они занимали окна сверху донизу. Блинков-младший полил всё, хотя это ему категорически запрещалось.

Кончив своё запретное дело, он сказал себе, что просто боится выйти во двор. Оделся и вышел.

Во дворе гуляли всякие не стоящие человеческого внимания дошколята. Увидев Блинкова-младшего, они стали коварно перешёптываться, а потом завопили хором: «Зених и невеста тили-тили тесьто!» Совершив этот подвиг, дошколята на всякий случай побежали к бабушкам жаловаться.

Это всего лишь одна из многих несправедливостей мира, сказал себе Блинков-младший: «зенихом» дразнят его, а на дискотеку с Кузиной ходит милицейский курсант Васечка. На неразумных дошколят он даже не взглянул и деловым шагом направился к помойке. Князя Голенищева-Пупырко-младшего за помойкой не наблюдалось.

Самостоятельных подростков Ломакиной и Суворовой, правда, тоже не наблюдалось. Это лишний раз подтверждало старую мысль Блинкова-младшего о том, что полное счастье недостижимо.

Зато на лавочке у второго корпуса сидел корреспондент газеты «Жёлтый экспресс» Игорь Дудаков. На нём был спортивный костюм и полотенце вокруг шеи. Корреспондент собрался бегать в парке и заранее потел.

Игорь Дудаков писал о всяких известных людях: кто на ком женился и кто с кем поругался, кто украл чужую песню, купил новую квартиру, слетал поплавать с аквалангом в Атлантическом океане и всё такое. К большому сожалению Дудакова, известные люди в основном все-таки работали. Писать об этом было неинтересно: «Вчера Малютка Скуратова дала концерт. И завтра Малютка Скуратова даст концерт...» Иногда целую неделю никто даже не съездит за город на шашлыки, не говоря уже о том, чтобы свалиться в одежде в фонтан или заболеть гриппом.

Дудаков не мог обмануть ожиданий читателей, которым хотелось как можно больше знать о своих кумирах. Он слонялся на концертах за кулисами и расспрашивал гримерш, правда ли, что певица подтянула кожу на лице, чтобы не видно было морщин. Или пытался подслушать, по-настоящему ли она поёт или под фонограмму. А в основном сидел в ночных клубах и собирал сплетни. Если и это не помогало, он выдумывал сплетни сам.

Блинков-младший хорошо знал творческую кухню корреспондента «Жёлтого экспресса», потому что иногда продавал Дудакову новости про Нину Су и за нескромную плату в два доллара отвозил его статьи в редакцию. Он очень гордился знакомством с настоящей акулой пера. Под настроение Дудаков говорил ему «старичок» и просил быть с ним на «ты».

И вот эта самая акула сидела на лавочке и отирала полотенцем пот с бледного чела.

Блинков-младший решил, что уж свою пару баксов он у корреспондента «ЖЭ» заработает и, значит, день будет прожит не зря. А можно и больше заработать – озарило Блинкова-младшего. Продать Дудакову историю про Уртику диоику, которой две тысячи лет. А что? Хорошая будет сделка. Быстрая, законная и на пользу обоим Блинковым. Старшему слава не помешает.

– Здравсьте, – сказал Блинков-младший, подсаживаясь к тихому Дудакову.

Корреспондент «ЖЭ» посмотрел неузнавающим взглядом и простонал:

– Что тебе, мальчик?

– Я не мальчик, – обиделся Блинков-младший.

– Извини, девочка, вы все в джинсах одинаковые, – покорно вздохнул Дудаков.

– Сенсация, – доверительным шёпотом сообщил Блинков-младший, решив отложить выяснение полового вопроса.

Надо было видеть корреспондента «ЖЭ»! Он встрепенулся, как настоящая очень большая акула, почуявшая кровь. Он сверкнул круглым бессмысленным глазом, как орёл, который, не щурясь, смотрит на солнце. Он стал торговаться, как таксист у трёх вокзалов.

– Так ты профессорский Митя, который копит доллары, – пропел он чистым голосом. – Два, больше не дам. И рублями: где я тебе возьму два доллара долларами?

– Мой папа не профессор и даже не доктор, а докторант. Пишет докторскую диссертацию, – честно признался Блинков-младший. – Пять.

– Плохо, что ты такой жадный, – расстроился за Блинкова-младшего корреспондент «ЖЭ». – Намекни хоть, что за сенсация. Опять небось про Нину Су?

– Про сарматскую принцессу, – намекнул Блинков-младший, некстати краснея. Всякие сенсации про себя Нина Су передавала Блинкову-младшему через свою сестрицу Суворову. Когда Блинков-младший встречал Нину Су во дворе, он смотрел под ноги. А она – хоть бы что, даже дарила соседям номера «Обалденных теток» со своими художественными фотокарточками.

– Принцесса – высший свет, – определил корреспондент «ЖЭ». – Ладно, дам три.

Цена показалась Блинкову-младшему справедливой, но расслабляться не следовало.

– Деньги вперед, – потребовал он.

– Разберёмся, – туманно пообещал Дудаков. – Пойдём ко мне.

И они пошли в пропахшую табаком и пивной кислятиной квартиру художника слова.

– Так я и не побегал. Гроблю здоровье на этой работе, – довольным голосом пожаловался Дудаков.

Продавать новости в «Жёлтый экспресс» Блинкову-младшему было не впервой. Да если хотите знать, из двухсот четырёх блинковских долларов семьдесят два принесла журналистика, причём один раз под заметкой стояли две подписи: «Дмитрий Блинков, Игорь Дудаков», по алфавиту. Заметка была про то, как в школе искали и не нашли бомбу. «Компетентный источник, – писал Дудаков про Блинкова-младшего, – сообщил корреспонденту «ЖЭ», что в этот день в седьмых классах должна была состояться контрольная по геометрии. Можно было бы предположить, что неизвестный, который сообщил по телефону о якобы заложенной в здании школы бомбе, – один из нерадивых учеников. Однако эта версия представляется сомнительной, поскольку звонивший говорил густым басом».

Именно в тот раз Дудаков своему информатору не заплатил. «Либо слава, старичок, либо деньги», – сказал он, и Блинков-младший выбрал славу. Потом, конечно, пожалел. Это когда князь Голенищев-Пупырко-младший стал густым басом требовать свою долю гонорара.

Вообще Дудаков часто жухал. Расскажешь ему что-нибудь, а он: «Это, старичок, было новостью, когда керенки[1 - Керенки – деньги, эквивалентные золотым российским рублям, их выпуск был организован Временным правительством в 1917 году. (Прим. ред.)] отменили». Потом смотришь – заметка в «ЖЭ», слово в слово. А Дудаков смеётся и говорит, что воспитывает в тебе коммерческую хватку.

Вот по этой причине корреспондент «ЖЭ» и его компетентный источник не столько писали заметку, сколько торговались.

– В могильнике сарматской принцессы... – начинал Блинков-младший.

– А давно она умерла? – деловито уточнял Дудаков.

– Дату не знаю, – признавался Блинков-младший. – Примерно две тысячи лет назад. Об этом писал «Столичный отморозок».

– Ах, «Отморозок»? Две тыщи лет назад? И это ты называешь новостью?! Доллар! И то по моей доброте! – ревел Дудаков и кидался в Блинкова-младшего ручкой со знаком какой-нибудь фирмы. Таких дарёных ручек у него была целая коробка.

– «Отморозок» только писал, что нашли её могильник. А в могильнике кое-что было, – поймав и прикарманив ручку, говорил Блинков-младший. – Двадцать рублей на стол, курс доллара уточним после.

– Не доверяешь. Это, в конце концов, унизительно, – жаловался Дудаков. – Скажи, что там было, и на тебе десятку.

– Я сказал одному журналисту, что в Ботаническом саду готовят цветы для канцлера Германии, – маминым холодным тоном напоминал Блинков-младший, – так он про это написал статью с фотокарточками, переврал фамилию садовника Иванова и забыл со мной расплатиться.

– О, времена, о, нравы! – стонал Дудаков. – Я в твои годы совершенно бескорыстно собирал металлолом на строительство пионерского тепловоза. Забирай свою десятку, скряга.

– Семена, – кратко сообщал Блинков-младший. – Ещё десять рублей.

Корреспондент «ЖЭ» швырялся ручками, плевался, кричал, что мир катится в пропасть и он, Игорь Дудаков, не кончает жизнь самоубийством только потому, что ему не на кого оставить страну. Не на такую же смену, как этот юный Гобсек[2 –

Гобсек» – роман французского писателя Оноре де Бальзака, вошедший в собрание сочинений «Человеческая комедия». (Прим. ред.)]. При этом он смотрел на Блинкова-младшего с гордостью, как учитель, воспитавший в своём ученике коммерческую хватку.

В конце концов Дудаков спохватился, что уже пятый час, а ему ещё надо отписаться за вчерашние задания. Он перестал торговаться, и дело пошло гораздо легче.

В половине шестого Блинков-младший вышел во двор. Это был не утренний Блинков-младший, который страдал у зеркала со своим расквашенным носом, куксился, кис и даже поливал огород. Это был другой человек, потому что:

а) уставной капитал его банка пополнился на пять настоящих долларов;

б) в руках у него была картонная папка с названием «Жёлтый экспресс», и буквально первый встречный сантехник Николай Никифорович это название прочитал и, наверное, подумал: «Такой молодой, а уже внештатный корреспондент»;

в) в папке, кроме дудаковских заметок, лежала целая двухстраничная статья, подписанная «Дмитрий Гавриловский, Игорь Дудаков». Псевдоним ему посоветовал взять соавтор, сказав, что журналисту неудобно хвалить собственного папу, а под псевдонимом – сколько угодно. И, наконец,

г) папу, который вырастил из двухтысячелетнего семечка Уртику диоику, в статье хвалили напропалую. Блинков-младший даже загордился тем, что он сын такого выдающегося учёного.

Увы мне, как говорил этот выдающийся учёный, когда нечаянно разбивал тарелку.

Полное счастье недостижимо, как следует из закона, выведенного финансово одарённым сыном этого выдающегося учёного.

Вторым встречным после сантехника Николая Никифоровича оказался князь Голенищев-Пупыркомладший. Блинковское хорошее настроение ну просто разлетелось вдребезги.

– Здравствуй, Дима, – чрезвычайно вежливо сказал князь, от старательности вставив в приветствие лишнее «в». И пожал руку остоленевшему Блинкову-младшему.

Князь был похож на пирата, которого добрые торговые моряки собрались повесить на рее, но решили сначала пообедать. Под правым глазом у него переливался синяк – явление довольно редкое. Обычное дело – синяк под левым глазом, потому что обычные люди бьют правой рукой. А Блинков-младший был левша. Синяк под правым считался во дворе его фирменным штампом.

И вот этим глазом с фирменным штампом князь рвал Блинкова-младшего в клочки. А сам говорил:

– Хорошая погода установилась в июне, не правда ли, Дима?

Блинков-младший огляделся. Где-то совсем рядом должен был караулить пирата добрый торговый моряк.

– Отойди от его, шпана! – громовым голосом приказал откуда-то добрый торговый моряк, и тогда Блинков-младший посмотрел на старую «Волгу» Голенищевых-Пупырко. Она всегда тут стояла и намозолила глаза.

Но раньше она была повыше и не перекашивалась набок.

– Кому говорят: отойди! Шпана! – повторил добрый торговый моряк ещё громче.

Блинков-младший сообразил, что, во-первых, шпана – это он, во-вторых, моряк не добрый. Но самый настоящий и самый торговый. Это привезли с дачи бабку князей Голенищевых-Пупырко Раису Павловну, которая в бурной молодости плавала буфетчицей на грузопассажирских кораблях Черноморского бассейна.

Бабка Раиса Павловна была не княгиня Голенищева, а просто Пупырко. Когда Пупырко-старший выменял себе по бартеру на цистерну пива княжеский титул и фамилию Голенищев, на бабку не хватило дворянской грамоты. По этому поводу она устроила в семействе пролетарский террор. Раньше она устраивала его по всяким другим поводам.

С удивившей его самого жалостью Блинков-младший пожал князю руку, отошёл и стал смотреть.

Бабка Пупырко выгружалась.

Старшего князя не было – наверное, он понёс домой вещи, – и бабка выгружалась самостоятельно.

«Волга» раскачивалась, как будто там боролись тяжеловесы, а по ним ползал судья и смотрел, чтобы не нарушались правила.

Долго никто из борцов не мог взять верх, но потом один тяжеловес начал одолевать и прижал соперника к задней дверце. Дверца вылетела с пушечным грохотом, «Волгу» ещё сильнее перекосило на правый бок, и показалась рука с попугайской клеткой. В клетке, под птичьими жёрдочками, сжался в комок белый красноглазый кролик.

На пупыркинском балконе взвыл питбультерьер, пёс-убийца.

– Сейчас-сейчас! Погоди, мой слатенький, бабушка уже идёт! – закричала бабка Пупырко ненастоящим голосом, как будто у неё внутри крутился магнитофон со сказкой для самых маленьких.

Блинков-младший подумал, что князь не врал: бабка действительно стравливает псу живых кроликов. Для кровожадности.

Белых.

С большими, розовыми на просвет ушами.

С часто-часто дергающимися носиками.

Для кровожадности.

Собаки ведь такие, какими их воспитают хозяева. Могут переводить слепых через дорогу, а могут рвать клыками заключённых в фашистском концлагере.

А бабке Пупырко это ничего не стоит. Она однажды натурально оборвала Блинкову-младшему ухо, так что пришлось накладывать швы. А ведь Блинков-младший просто шёл мимо лавочки у подъезда. Бабка Пупырко смогла дотянуться, не вставая с этой лавочки, и оборвала ему ухо. С тех пор он ходил так, чтобы бабка не могла дотянуться.

У князя Голенищева-Пупырко-младшего часто были оборваны уши. Князь Голенищев-Пупырко-старший носил бороду. Ушей из-под неё почти не было видно.

Мама говорила, что бабка Пупырко стала такая потому, что у неё была трудная жизнь. Блинков-младший не понимал, почему, если у человека была трудная жизнь, он должен отравлять жизнь другим.

Факт то, что попугайская клетка с белым кроликом была у бабки в руке, а питбультерьер выл, визжал и рыл балкон кривыми лапами.

Из машины показалась бабкина клюка. Князь Голенищев-Пупырко-младший однажды сообщил Блинкову-младшему по секрету, что клюка золотая. Будто бы старший князь несколько лет покупал в магазине обручальные кольца и прятал на чёрный день. А потом расплавил их и залил в просверленную старушечью клюку, чтобы сберечь от воров своё золото. Обворовать бабку Пупырко было невозможно. Для этого пришлось бы к ней подойти, а как подойдёшь, если она сразу вцепляется в ухо?

Очень долго ничего не происходило. Из автомобильной дверцы торчали рука с клеткой, рука с клюкой – и всё. Блинков-младший давно уехал бы в редакцию «Жёлтого экспресса», если бы не переживал за белого кролика.

Потом «Волга» стала опрокидываться. Левые колеса, и переднее и заднее, оторвались от асфальта, как будто их приподняли домкратом, правые совсем спрятались, машина пошла, пошла заваливаться. И тогда между клюкой и клеткой появилась нога. Затем вторая. Ноги повисели в воздухе и встали на тротуар. Машина немного выровнялась.

– Помогите, – трубно скомандовала бабка Пупырко. Она застряла.

Презирая себя за мягкотелость, Блинков-младший кинулся на помощь.

– Отойди, шпана, – последовал приказ.

– Иди-иди, – поддакнул князь Голенищев-Пупырко-младший. – Дело семейное, сами разберёмся.

Вышел из подъезда старший князь, и началось семейное дело.

Бабка Пупырко не первый раз ездила в машине и, конечно, знала, что выходить нужно боком, встав сначала на одну ногу. Но ей хотелось встать сразу на обе и выйти прямо. Сыну и внуку было просто нечего возразить на это желание старейшины семейства. Она их не слушала.

– Тянитя, – приказывала бабка Пупырко, протягивая князьям руку с клеткой и руку с клюкой. Князья тянули. Бабка привставала и упиралась головой в потолок машины. Тогда она командовала:

– Бросайтя.

Бросали. Бабка Пупырко говорила:

– Ох, грехи мои тяжкия! Тянитя.

Князья тянули, обливаясь потом. Бабка Пупырко была огромна. Казалось, что она забралась в автомобиль девочкой и провела в нём всю свою трудную жизнь, питаясь белым хлебом и дрожжами, пока не выросла в «Волгу», как устрица в раковину. Старший князь, наверное, сам поражался тому, что не так давно смог усадить старуху в машину без помощи фокусника или, на худой конец, регулярных частей Российской армии.

В минуты отдыха старший князь влезал на переднее сиденье и показывал бабке Пупырко, как надо выходить.

Бабка молча смотрела это показательное выступление и твердила:

– Тянитя!

Питбультерьер выл, не переставая, и кровожадно грыз балконную решетку.

И вот когда князья в очередной раз тянули, Блинков-младший подошёл к ним сзади, открыл болтавшуюся в бабкиной руке клетку и вытащил кролика за холодные жёсткие уши. Князья стояли плотно, и бабка из-за них ничего не

видела.

Всё получилось так просто, что Блинков-младший даже потоптался ещё недолго за княжескими спинами, ожидая осложнений и опасностей – какая же без них кража.

Ни-че-го. Подошёл, открыл клетку, взял. Спрятал кролика под куртку и ушёл. Неплохо было бы положить в клетку кирпич для веса, но сошло и так. Бабка слишком увлеклась выгрузкой.

Она закричала, когда Блинков-младший уже был дома.

Она кричала так, что дрожали оконные стекла.

Она кричала почему-то: «Убили!!!»

Глава III

Секретное задание Блинкова-младшего

Дом, где помещается редакция «Жёлтого экспресса», знают все: москвичи и гости столицы, те, кто ни разу не был в Москве, и те, кто понятия не имеет ни о каком «Жёлтом экспрессе».

Это старый жилой дом с аркой. Слева от арки стоит громадный железобетонный рабочий с отбойным молотком, а справа – то ли колхозница, то ли студентка. Она чуть-чуть поменьше, потому что женщина. Блинков-младший каждый раз, когда ехал в редакцию, собирался присмотреться, что там у неё в руках. Если серп – значит, колхозница, а циркуль – понятно, студентка.

Рабочего и колхозницу-студентку любят снимать в кино про тяжёлое прошлое, поэтому все и знают этот дом. Все видели. Причем когда тяжёлое прошлое называлось радостным настоящим, их снимали, чтобы показать, как хорошо живётся людям, которым стоит высунуться в окно – и нате, любуйтесь произведениями монументального искусства. А когда тяжёлое прошлое стало

тяжёлым прошлым, их стали снимать, показывая, как невыносимо жилось людям, которым в окно нельзя было высунуться, чтобы не увидеть это жуткое монументальное искусство.

При этом рабочий и колхозница-студентка совершенно не изменились. Только со временем у них облупились носы.

Блинкову-младшему они почему-то были как родные. Как Хрюша, которого он, понятно, уже не смотрел по телевизору, но уважал за творческое долголетие.

Редакция занимала бывшую коммунальную квартиру.

В бывшей кухне сидел главный редактор, в бывшей ванной – фотографы, в бывшем туалете оставался туалет, потому что журналисты тоже живые люди, а бывшие комнаты назывались кабинетами. За стеклянными дверями стояло множество заваленных бумагами столов и никого не было. Живые люди журналисты поразъехались на редакционные задания или в крайнем случае курили в коридоре. Некоторые спрашивали Блинкова-младшего: «Что тебе, мальчик?» – и сразу же отворачивались. Блинков-младший относился к этому спокойно, как неизвестный герой, которого ищут пожарные, ищет милиция (а уж бабка Пупырко – это точно). Спасённый кролик остался дома. Он успел поесть капусты из борща и насыпать на линолеум черных орешков. А ведь мог бы погибнуть в пасти кровожадного питбультерьера.

Обходя журналистов, коптящих, как подбитые танки, Блинков-младший проскочил в дудаковский кабинет. Кроме Дудакова, которого, понятно, сейчас в редакции не было, там сидел обозреватель криминальной хроники седенький пухлый Николай Александрович. Вот уж кто на самом деле сидел. С утра до вечера, когда ни зайди. Раньше Николай Александрович служил майором в милицейском журнале и привык к дисциплине.

Как обычно бывает со взрослыми, он даже не вспомнил Блинкова-младшего. А ведь знакомился с ним два раза.

– Войдите, – пригласил привыкший к дисциплине Николай Александрович, хотя Блинков-младший уже вошёл. – Докладывайте.

– Рукописи от Игоря Дудакова, – коротко доложил Блинков-младший.

– Предупреждён, – ещё короче ответственвал Николай Александрович, кивнув на телефон.

Блинков-младший положил перед ним папку с рукописями, и Николай Александрович углубился в чтение.

Вообще-то Дудаков строго-настрого велел Блинкову-младшему проследить, чтобы Николай Александрович ни в коем случае не углублялся в чтение, а сразу отнёс рукописи в печать. Но легко сказать – «проследи». А если человеку нет ещё четырнадцати лет, как Джульетте? Что, прикажете отбирать рукописи у бывшего майора милиции, который уже пошёл черкать и писать? И обойтись без Николая Александровича нельзя. У какого-то там Блинкова-младшего заметки бы просто не взяли. А то так любой приходил бы и сдавал в печать всякую чепуху.

Николай Александрович с Дудаковым были точь-в-точь как два режиссёра, которые так снимают рабочего и колхозницу-студентку, что у одного получается похвала, а у другого – сплошная ругань.

Когда Николаю Александровичу попалась заметка «милиционеры-хриstopродавцы», он первым делом исправил «милиционеров» на «работников милиции», а потом стал читать, почему это работники милиции – хриstopродавцы и вообще в чем там дело.

«Уникальные иконы XVIII века, конфискованные у крутого уголовного авторитета Арбуза, всплыли на аукционе «Сотбис», – писал Дудаков. – Очевидно, что на этом погрели руки люди, с лёгкостью торгующие российскими святынями».

«Несколько икон, предположительно XVIII века, конфискованных у некоего гражданина N, известного в уголовном мире под кличкой Арбуз, неустановленным путём попали на один из западных аукционов, – исправлял Николай Александрович. – Этот факт мог бы дать основание предположить, что в деле замешаны коррумпированные руководящие работники милиции. Однако не стоит спешить с выводами. Уголовная практика знает и такие случаи, когда обычный кладовщик путём подмены расхитил ряд культурных ценностей, в том числе древнеегипетскую мумию».

В статье «Уртика: победа над тысячелетиями» Николай Александрович исправил только «натянули нос учёным-скептикам» на «подали пример практического подхода».

И отнес заметки в печать. Все, кроме «Уртики».

Блинков-младший испугался, что Николай Александрович задержит «Уртику», а потом новость, как говорят журналисты, протухнет, и статью не напечатают никогда. Ведь старые новости никого не интересуют. Они уже и не новости.

А Николай Александрович вернулся и стал кому-то дозваниваться. Этот кто-то не брал трубку.

– Вы что сидите? Можете идти, – бросил Николай Александрович. Вид у него был огорчённый.

– А как статья? – набрался духу Блинков-младший. – Пойдет?

– Пойдет статья рогатая... – буркнул себе под нос Николай Александрович и растопыренными толстенькими пальцами показал Блинкову-младшему «козу». – Тебе-то что, мальчик?

– Я соавтор, – обиделся Блинков-младший.

Ну почему, почему они все такие?! Когда человек им не нужен, он «что-тебе-мальчик» или «тебе-то-что-мальчик». А вот когда нужен – совсем другое дело. Тогда он Митя и даже Дмитрий.

– Так ты, значит, Дмитрий Гавриловский, – быстро взглянув на подпись под статьей, сказал Николай Александрович. – Что ж ты такой маленький, Дмитрий Гавриловский?

Блинков-младший не ответил, чтобы не умножать количество глупостей в мире. А Николай Александрович и не ждал ответа.

– Тут вот какое дело, Дмитрий Гавриловский, – говорил он сытым голосом. – Тут, Дмитрий Гавриловский, криминальное дело. То, что вы с Дудаковым набодали,

это, конечно, хорошо. Но чести вам не делает. Обычная заметка системы «Чародей из Ивантеевки». Кстати, что такое Уртика?

– Древнее растение, там же написано, – сказал Блинков-младший и подумал, что надо бы найти Уртику в Большой ботанической энциклопедии.

Николай Александрович довольно кивнул.

– У тебя, Дмитрий Гавриловский, есть возможность превратить эту не делающую вам чести проходную заметку в блестящую публикацию или даже цикл системы «Не пойман – не вор». Потому что, Дмитрий Гавриловский...

У Блинкова-младшего аж похолодело в животе. При чем здесь вор?

– ...Потому что, Дмитрий Гавриловский, в этом самом Ботаническом саду, где трудится твой чародей, – Николай Александрович опять зыркнул в статью и закончил радостно, как будто выиграл телевизор, – ...кандидат ботанических наук Олег Блинков, сегодня побили все стёкла в оранжерее субтропических растений!!

Нельзя сказать, что Блинков-младший был потрясен. Ну побили и побили. Конечно, жалко старшего Блинкова, он теперь будет переживать из-за каждого сломанного стебелька.

– Насколько я понимаю, Дмитрий Гавриловский, Игорь взял вас в соавторы не из-за вашего отточенного пера, – рассуждал Николай Александрович. – Значит, вы информатор... Не говорите, я сам догадаюсь. Кружок юных ботаников? Или у вас родители работают в Ботаническом саду?

– Родители, – не вдаваясь в подробности, подтвердил Блинков-младший.

– Родители! – Николай Александрович довольно потёр пухлые розовые ладошки. – Так поезжайте в Ботанический сад, Дмитрий Гавриловский! Будьте рядом с родителями в этот трудный час! Запоминайте и по возможности записывайте. На вот, возьми блокнот. Сообщаю оперативную обстановку.

И Николай Александрович, называя Блинкова-младшего то на «вы», то на «ты», потирая ладошки и то и дело заглядывая в статью про Уртику, сообщил оперативную обстановку.

Стёкла в оранжерее били не в первый раз, и Блинков-младший об этом знал.

Какие-то бизнесмены хотели открыть в оранжерее пивной бар, и об этом Блинков-младший знал тоже. Еще бы не знать, когда старший Блинков чуть не каждый вечер доспоривал с директором Ботанического сада по телефону. Они, пока доезжали с работы домой, вспоминали что-нибудь важное и сразу кидались друг другу звонить. Старший Блинков был категорически против этого пивбара, а директор – тоже против, но недостаточно.

Прошлой осенью, когда тоже побили стёкла и субтропические растения стали замерзать, директор чуть не сдался. Бизнесмены пообещали ему вставить стёкла и даже поощрить денежными премиями тех научных сотрудников, которые не будут ходить на работу и мешать пивной коммерции.

Директор почти согласился: он просто не видел другого выхода. Всё равно, если бы растения замерзли, научные сотрудники остались бы без работы. А старший Блинков сказал научным сотрудникам: «Не хотите остаться без работы? Давайте тогда откажемся от зарплаты и на эти деньги вставим стёкла». И стёкла вставили, а научные сотрудники и даже многие садовники и уборщики, которым вообще-то всё равно, где работать, два месяца потом отказывались от зарплаты, чтобы заплатить деньги за эти стёкла. Других денег в Ботаническом саду не было.

Блинков-младший всё это знал, но раньше не думал, что хулиганов бить стёкла нанимают пивные бизнесмены.

А для Николая Александровича это само собой разумелось.

– «Кви продест?», Дмитрий Гавриловский, что по-латыни означает «Кому выгодно?» – вещал Николай Александрович, и его маленькие серые глазки сияли, и довольно розовела аккуратная лысинка. – Не забывайте этот древнейший юридический принцип. Когда стёклушки (он так говорил: стёклушки) пококали в первый раз, я взял это дело на заметку, но писать не стал. Потому что я не работник Ботанического сада и не милиционер. Я

журналист, а по-журналистски это было неинтересно. А теперь, Дмитрий Гавриловский, стёклушки кокнули во второй раз. Теперь предположение приобретает силу обвинения, а тот факт, что в Ботаническом саду произошло крупное научное открытие, придает обвинению мощное общественное звучание.

– Красиво излагаете, – вставил немного привыкший к Николаю Александровичу Блинков-младший.

– Не растрчивайте нахальство попусту, Дмитрий Гавриловский, оно вам ещё понадобится, – строго осадил его Николай Александрович. – Понимаешь, если туда пойду я, мне никто ничего не скажет. В лучшем случае какой-нибудь отчаюга вроде твоего чародея... – Он опять заглянул в статью про Уртику. Наверное, в десятый раз. – Олег Блинков обвинит эту фирму... – Он полистал блокнот. – «Сильный хмель». Но у него ровно столько же доказательств, сколько у меня. То есть нисколько.

Блинков-младший расстроился.

– Вы же сами сказали: кви чего-то там, юридический принцип. Арестовать их, и всё.

– Это волюнтаризм, Дмитрий Гавриловский, – горько вздохнул Николай Александрович. Ему тоже хотелось арестовать бизнесменов из «Сильного хмеля». – Есть преступления очевидные, но практически недоказуемые. Ну, задержат их, а они скажут: «Это не мы». И придётся отпустить. Поймают хулиганов, которые кокали стёклушки, а они: «Какой-то мужик нас попросил, сказал то-то и то-то». Например, что теще хочет насолить. Многие люди, Дмитрий Гавриловский, не прочь насолить своей теще, это понятный мотив. Допустим, найдут этого мужика, хотя вряд ли. Ты думаешь, окажется, что он работает в «Сильном хмеле»? Нет, Дмитрий Гавриловский, окажется, что и он обычный хулиган, только масштабом покрупнее. А вот за ним стоит настоящий уголовник, которому заплатил «Сильный хмель». На языке грязных бизнесменов это называется «нанять исполнителя через два забора». Недоказуемо. А посему, Дмитрий Гавриловский...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Керенки – деньги, эквивалентные золотым российским рублям, их выпуск был организован Временным правительством в 1917 году. (Прим. ред.)

2

Гобсек» – роман французского писателя Оноре де Бальзака, вошедший в собрание сочинений «Человеческая комедия». (Прим. ред.)

Купить: https://tellnovel.com/nekrasov_evgeniy/blin-i-sekret-razbityh-stekol

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)